

УДК 347.124

ЭВОЛЮЦИЯ ДОКТРИНЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ: ОТ ДРЕВНЕГО РИМА ДО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Тимофеева Д.А.¹

магистрант,

*Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
Калуга, Россия*

Аннотация

В статье проводится комплексный историко-правовой анализ эволюции доктрины злоупотребления правом от её истоков в Древнем Риме до современного закрепления в российском законодательстве. Исследование раскрывает длительный и сложный путь трансформации правового мышления: от признания абсолютной свободы субъективных прав до их подчинения требованиям справедливости, доброй совести и социальной ответственности. В статье последовательно рассматривает зарождение идеи в римском праве, её осторожное и непоследовательное восприятие в дореволюционной России, кардинальное преобразование в публично-правовой инструмент в советский период и, наконец, становление современного частноправового подхода в Российской Федерации. Особое внимание уделено ключевой реформе 2012 года, которая сделала принцип добросовестности основным критерием для определения злоупотребления правом в действующем Гражданском кодексе РФ. Статья демонстрирует, что современная российская доктрина является синтезом исторического опыта и адаптированных достижений европейской правовой мысли, выполняя функцию балансировки частных и публичных интересов в гражданском обороте.

Ключевые слова: злоупотребление правом, эволюция доктрины, римское право, шикана, добрая совесть, добросовестность, пределы осуществления прав, Гражданский кодекс РФ, история права, субъективное право.

¹ Научный руководитель - *Магомедова Е.А.*, доцент кафедры юриспруденция, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия

THE EVOLUTION OF THE DOCTRINE OF ABUSE OF LAW: FROM ANCIENT ROME TO MODERN RUSSIA

Timofeeva D.A.

Master's Student,

K.E. Tsiolkovsky Kaluga State University,

Kaluga, Russia

Abstract

This article provides a comprehensive historical and legal analysis of the evolution of the abuse of rights doctrine, from its origins in ancient Rome to its modern codification in Russian law. The study reveals the long and complex transformation of legal thinking: from the recognition of the absolute freedom of subjective rights to their subordination to the demands of justice, good conscience, and social responsibility. The article examines the concept's origins in Roman law, its cautious and inconsistent reception in pre-revolutionary Russia, its radical transformation into a public law instrument during the Soviet period, and, finally, the development of the modern private law approach in the Russian Federation. Particular attention is paid to the key 2012 reform, which made the principle of good faith the primary criterion for determining abuse of rights in the current Civil Code of the Russian Federation. The article demonstrates that modern Russian doctrine is a synthesis of historical experience and the adapted achievements of European legal thought, serving as a balance between private and public interests in civil transactions.

Key words: abuse of rights, evolution of doctrine, Roman law, chicane, good conscience, good faith, limits of exercise of rights, Civil Code of the Russian Federation, history of law, subjective right.

Институт злоупотребления правом является одним из конструктивных инструментов в современном гражданском праве, выполняющим функцию сдерживания абсолютной свободы субъектов оборота и предотвращения

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

причинения вреда под видом реализации законных прав. Его становление — длительный и сложный процесс, отражающий эволюцию правового мышления от признания неограниченности субъективных прав до их подчинения требованиям справедливости, доброй совести и социальной ответственности.

В римском праве действовал принцип «*qui jure suo utitur neminem laedit*» — никого не обижает тот, кто пользуется своим правом. Этот принцип, в частности, выражен Гаем следующим образом: «*Nullus videtur dolo facere, qui jure suo utitur*» — никто не считается поступающим злоумышленно, если он пользуется принадлежащим ему правом (Д. 50. 17. 55)². По сути, сказанное означает, что осуществление права (какие бы последствия оно ни вызвало) правомерно; понятию злоупотребления правом в принципе нет места; обсуждать запрет такого злоупотребления нет смысла³. Указанный принцип и обусловленные им выводы занимали в римском праве основополагающее положение. Первоначально понятию злоупотребления правом не было места: любое осуществление права считалось правомерным. Однако по мере развития права стали появляться исключения. Гай, к примеру, утверждал следующее: «...не дозволяется чрезмерно жестоко поступать с своими рабами без законной причины. И то, и другое по справедливости, так как мы не должны злоупотреблять¹ предоставленным нам правом» (Институции Гая, 1. 53)⁴. А Ульпиану принадлежит следующее высказывание: «...если переписчика книг отправить в деревню и заставить носить корзины и известь, актера сделать банщиком или музыканта — сторожем, или на гимнаста возлагать очистку отхожих мест, то это следует рассматривать как злоупотребление собственностью» (Д. 7. 1. 15. 1). В науке отмечено, что одергивание рабовладельцев было направлено на избежание дальнейших волнений и восстаний рабов⁵.

² Бартошек М. Римское право (Понятия, термины, определения) / Пер. с чешского. М., 1989. С. 392.

³ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд. М., 2001. С. 26.

⁴ Памятники римского права: Законы 12 таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М., 1997. 608 с.

⁵ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд. М., 2001. С. 28.

Под запрет попадали и действия, не приносившие какой-либо выгоды самому лицу, но совершавшиеся исключительно с целью причинения вреда другим, что особенно часто проявлялось в соседских отношениях. Яркими примерами служили перегораживание водного источника, отведение стока воды или небрежное пользование земельным сервитутом. К этой же категории относился случай, когда собственник, продав дом, снимал со стен гипсовые украшения или картины с единственной целью досадить покупателю. По этому поводу Цельс заметил, что «не следует оказывать снисхождения злобе» (Д. 6. 1. 38).

Противодействие некоторым видам вредоносного осуществления прав, бравшее верх над неограниченным осуществлением права собственности, осуществлялось гибкостью преторских средств, особенно *actio doli* и *exceptio doli*; такое правотворчество преторов часто основывалось на идее *aequitas*⁶. В развитии этой идеи римские юристы ограничились лишь отдельными афористичными формулировками, такими как «*summum ius, summa injuria*» (право, доведенное до крайности, есть высшая несправедливость). Однако, как полагает М. Бартошек, целостной теории злоупотребления правом им создать не удалось. Эту точку зрения разделяет и В.П. Грибанов, указывая, что «проблема злоупотребления правом в римском праве существует лишь как проблема решения отдельных, исключительных по своему характеру случаев. Римское право еще не знает самого понятия злоупотребления правом и не формулирует недозволенность злоупотребления правом в качестве общего принципа права»⁷.

Несмотря на отсутствие целостной теории, в римском праве сформировались два ключевых критерия для выделения запрещенных действий:

⁶ Дождев Д. В. Римское частное право: Учебник / Под общ. ред. В. С. Нерсисянца. 3-е изд. М., 2008. С. 44.

⁷ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд. М., 2001. С. 29.

- Субъективный критерий (пороки воли): Отсутствие собственного разумного интереса, преследование антисоциальной цели, в частности, причинения вреда (зарождение концепции «шиканы»).
- Объективно-субъективный критерий: Противоречие действий добрым нравам (*bonae mores*) и справедливости (концепции «нарушения нравственности» и «справедливости»).

Таким образом, сохранившиеся источники римского права содержат примеры запрета отдельных форм вредоносного осуществления субъективных прав, что позволяет с осторожностью утверждать о зарождении в них идей злоупотребления правом. Сформулированные римскими юристами подходы получили дальнейшее развитие в законодательстве, судебной практике и правовой доктрине европейских стран, прежде всего Франции и Германии, где в итоге сформировалась самостоятельная теория злоупотребления правом. Разработанные в её рамках концепции оказали значительное влияние на становление соответствующей правовой теории по всему миру, включая Россию.

Теория злоупотребления правом не получила широкого признания в дореволюционной российской правовой науке. Несмотря на осведомлённость отечественных юристов о развитии соответствующих европейских подходов, их восприятие в России отличалось сдержанностью. Вследствие этого внедрение данных идей в национальное законодательство и судебную практику происходило крайне медленно и встречало значительные трудности.

Эволюция подходов:

1. 1871 год: Сенат в решении № 785 впервые указал, что «пользование своими правами, если от такового происходит для другого вред и убытки, может избавлять от обязанности вознаграждения таковых только тогда, когда сами права эти будут законные, и пользование ими не

выходило из законных пределов их»⁸. Это создало расплывчатую «лазейку» для борьбы со злоупотреблениями, но не стало основой разработки отечественной концепции злоупотребления правом.

2. 1902 год: Сенат сформулировал правило: «никто не свободен пользоваться своим правом так, чтобы лишать другого возможности пользоваться его правом»⁹. Однако эта норма была слишком неопределенной для разрешения коллизий прав.

3. 1910 год: Сенат фактически вернулся к исходной позиции, указав, что ответственность наступает только за «прямое воздействие», а не за косвенный вред.

К 1917 году теория злоупотребления правом так и не получила последовательного развития. В науке и практике господствовал консервативный подход, осуждавший лишь откровенную «шикану» (действия с исключительной целью причинения вреда), но отвергавший широкое судебное усмотрение в этой сфере.

Подводя промежуточный итог, можно сказать что в дореволюционный период в России отсутствовали как законодательный запрет злоупотребления правом, так и единая судебная практика и теория на этот счет. Идея находилась лишь в зачаточном состоянии.

Развитие концепции злоупотребления правом в советский период, особенно с 1930-х по 1960-е годы, представляет собой сложный и противоречивый процесс трансформации данного института, отразивший эволюцию всего советского гражданского права.

К началу 1930-х годов практическое применение статьи 1 Гражданского кодекса РСФСР 1922 года, провозглашавшей охрану гражданских прав лишь в случае, если они не осуществляются «в противоречии с их социально-

⁸ Доманжо В. П. Вопрос об ответственности за вред, причиненный при осуществлении права, в проекте нашего гражданского уложения. С. 427.

⁹ Доманжо В. П. Вопрос об ответственности за вред, причиненный при осуществлении права, в проекте нашего гражданского уложения. С. 428.

хозяйственным назначением», стало резко сокращаться. Ссылки на эту норму в судебных решениях становились все более редкими. Показательно, что даже в схожих ситуациях, где такая ссылка была бы уместна, суды, включая Пленум Верховного Суда СССР, зачастую ее избегали. Это свидетельствовало о практическом забвении первоначальной редакции статьи, созданной в эпоху НЭПа для сдерживания частного капитала.

В новых исторических условиях, характеризовавшихся свертыванием НЭПа и полным огосударствлением экономики, потребовалось найти новое идеологическое обоснование для старой нормы. Такую попытку в 1944 году предпринял Д.М. Генкин, предложив толковать содержание статьи 1 ГК в связи со статьей 130 Конституции СССР 1936 года, устанавливавшей обязанность граждан «уважать правила социалистического общежития». Аналогичной позиции придерживался и М.И. Бару, указывавший на созвучие требования использования права в соответствии с его социально-хозяйственным назначением и конституционной нормы. Таким образом, статья 1 ГК была переосмыслена как запрет осуществления гражданских прав в нарушение правил социалистического общежития. Поскольку эти правила в советской науке единодушно признавались нормами морали и коммунистической нравственности, данный подход, по сути, представлял собой советскую версию концепции «нарушения нравственности (этики, морали)».

Однако эта позиция встретила серьезную и аргументированную критику со стороны М.М. Агаркова. Он указывал, что понятие правил социалистического общежития является недостаточно разработанным и неопределенным. Агарков утверждал, что эти правила, будучи нормами этики, могут восполнять пробел в законе, но не могут его отменять или изменять¹⁰. Статья 130 Конституции, по его мнению, не давала суду права оценивать допустимость осуществления права, имевшего место в пределах,

¹⁰ Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве / Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х т. Т. II. М., 2002. С. 379.

установленных законом. Единственным исключением он признавал лишь прямую «шikanу» — действия, совершенные исключительно с целью причинения вреда другому.

М.М. Агарков предлагал принципиально иной взгляд на проблему. Он последовательно отстаивал тезис о том, что осуществление права не может быть противоправным, а следовательно, и злоупотреблением им. Действия, которые называют злоупотреблением правом, на самом деле совершаются за пределами этого права. Он рассматривал проблему как вопрос установления границ субъективных прав, а не как проблему их осуществления. Его общий вывод был категоричен: при пересмотре гражданского законодательства следовало отказаться от расплывчатой формулы статьи 1 ГК и закрепить лишь прямой запрет шиканы.

Несмотря на эту убедительную критику, сторонники теории злоупотребления правом сохранились. В 1958 году М.И. Бару вновь выступил в ее защиту, утверждая, что понятие злоупотребления правом еще не утратило своего значения. Он рассматривал его как использование права, формально не противоречащего закону, но направленного на достижение результатов, несовместимых с социальными целями этого права, то есть придерживался концепции «нарушения цели субъективного права». Однако даже в специально подобранных примерах его аргументация была уязвима: случаи, которые он приводил в качестве злоупотребления (например, уничтожение собственником части своего дома), с точки зрения оппонентов, являлись не осуществлением права, а классическим правонарушением, не имеющим к нему никакого отношения.

Таким образом, к началу 1960-х годов в советской цивилистике сложился своеобразный теоретический тупик. С одной стороны, существовала влиятельная школа во главе с М.М. Агарковым, отрицавшая саму возможность злоупотребления правом в его классическом понимании и настаивавшая на формально-определенных границах права. С другой — сохранялись сторонники

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМН ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

более широкого, но крайне неопределенного подхода, связывавшего запрет социалистической моралью и социальным назначением права. Этот спор не был разрешен и во многом предопределил дальнейшую судьбу доктрины злоупотребления правом в советском и постсоветском праве.

Период с 1961 по 1991 год стал важным этапом в развитии концепции злоупотребления правом в советском гражданском праве. Принятие Основ гражданского законодательства 1961 года¹¹ и Гражданского кодекса РСФСР 1964 года¹² закрепило преемственность с предыдущим законодательством. Статья 5 этих актов устанавливала, что гражданские права охраняются законом, "за исключением случаев, когда они осуществляются в противоречии с назначением этих прав в социалистическом обществе в период строительства коммунизма". К этому был добавлен новый предел - обязанность "уважать правила социалистического общежития и моральные принципы общества, строящего коммунизм".

Примечательно, что сам термин "злоупотребление правом" так и не был включен в текст закона, что породило оживленную дискуссию в юридической науке. Среди критиков теории злоупотребления правом выделялись М.В. Самойлова, которая повторяла позицию М.М. Агаркова о невозможности неправомерного осуществления права, и С.Н. Братусь, считавший, что осуществление права вопреки его назначению является нарушением закона, а не злоупотреблением¹³. А.А. Ерошенко занимал еще более радикальную позицию, утверждая, что "злоупотреблять субъективным правом невозможно".

На противоположных позициях находился В.П. Грибанов, разработавший наиболее влиятельную концепцию злоупотребления правом в советский период. Его подход объединял три ключевые идеи: нарушение цели субъективного права, нарушение пределов осуществления права и

¹¹ Ведомости ВС СССР. 1961. № 50. Ст. 525.

¹² Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406.

¹³ Братусь С. Н. О пределах осуществления гражданских прав (ст. 5 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик) // Правоведение. 1967. № 3. С. 84.

недозволенные конкретные формы поведения. Важным аспектом теории Грибанова было утверждение, что в советском праве все случаи злоупотребления прямо предусмотрены законом, что исключает широкое судебное усмотрение, характерное для "буржуазного" права.

Дальнейшее развитие концепции связано с принятием Конституции СССР 1977 года, которая установила, что "использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства, правам других граждан". Это положение развивало концепцию "причинения вреда", хотя и носило декларативный характер.

Завершающим этапом стало принятие Основ гражданского законодательства 1991 года, где статья 5 была значительно расширена и включила сразу три концепции: "нарушения нравственности", "нарушения назначения права" и "причинения вреда". Особенностью этой редакции стало введение специальных ограничений для предпринимателей, запрещавших использование гражданских прав для ограничения конкуренции.

Несмотря на эволюцию законодательных формулировок, общий механизм запрета злоупотребления правом оставался неизменным с 1922 года и сохранял публично-правовой характер. Суды применяли общие нормы редко, предпочитая ссылаться на конкретные запреты. Классический частноправовой подход к злоупотреблению правом, направленный на минимизацию вреда между равноправными субъектами, так и не получил развития в советском праве.

С распадом СССР в 1991 году подход к проблеме злоупотребления правом в России кардинально изменился. Впервые в отечественной истории был введен прямой законодательный запрет злоупотребления правом, что стимулировало развитие полноценной частноправовой теории этого института.

Принципиальный перелом произошел с принятием Гражданского кодекса РФ 1994 года. В отличие от предыдущих советских кодексов, имевших публично-правовую направленность, новый ГК стал кодексом свободной

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМН ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

рыночной экономики. Статья 10 ГК РФ впервые прямо провозгласила запрет злоупотребления правом, установив, что "не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах".

Однако первоначальная редакция статьи 10 оставляла критерии "иных форм" злоупотребления неопределенными, что порождало проблемы в судебной практике. В течение почти 20 лет велись активные дискуссии о путях совершенствования этой нормы.

Решающий шаг был сделан в 2012 году с принятием изменений в статью 10 ГК РФ. Законодатель, следуя Концепции развития гражданского законодательства, сделал ключевой акцент на принципе добросовестности. В действующей редакции запрещены:

- осуществление прав исключительно с намерением причинить вред (шикана);
- действия в обход закона с противоправной целью;
- иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав.

Таким образом, современное российское право в качестве основного критерия для определения злоупотребления правом избрало концепцию "недобросовестности". Этот подход, официально закрепленный с 2013 года, стал ориентиром как для судебной практики, так и для юридической науки, завершив длительную эволюцию доктрины злоупотребления правом в России.

Проведенный историко-правовой анализ позволяет сделать вывод о том, что институт злоупотребления правом прошел сложный и многогранный путь развития, отражающий эволюцию самого права от формального догматизма к социально ориентированному подходу.

Истоки доктрины, обнаруженные в римском праве, где зародились ключевые критерии «шиканы» и «нарушения добрых нравов», так и не

сложились в целостную теорию. В дореволюционной России эта концепция также не получила значительного развития, уступив господству принципа неограниченности права.

Советский период кардинально изменил природу института, превратив его в инструмент защиты публично-правовых интересов государства. Дискуссии между сторонниками «социального назначения права» и их оппонентами, отрицавшими саму возможность злоупотребления правом, выявили фундаментальную теоретическую проблему, которая не была разрешена в рамках социалистической правовой идеологии.

Принципиальный перелом наступил лишь с принятием Гражданского кодекса РФ 1994 года, который впервые в отечественной истории закрепил частноправовой запрет злоупотребления правом. Последующая реформа 2012 года, сделавшая принцип добросовестности краеугольным камнем статьи 10 ГК РФ, завершила этот длительный процесс.

Таким образом, современная российская доктрина злоупотребления правом, основанная на концепции недобросовестности, представляет собой синтез исторического опыта, восприняв лучшие достижения европейской правовой мысли и адаптировав их к национальным правовым реалиям. Этот институт стал эффективным инструментом балансировки частных и публичных интересов, обеспечивая справедливость и стабильность гражданского оборота.

Библиографический список:

1. Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве / Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х т. Т. II. М., 2002. - 451 с.
2. Бартошек М. Римское право (Понятия, термины, определения) / Пер. с чешского. М., 1989. - 448 с.

3. Братусь С. Н. О пределах осуществления гражданских прав (ст. 5 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик) // Правоведение. 1967. № 3.- С. 79–86.
4. Ведомости ВС СССР. 1961. № 50.
5. Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24.
6. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд. М., 2001. - 411 с.
7. Дождев Д. В. Римское частное право: Учебник / Под общ. ред. В. С. Нерсисянца. 3-е изд. М., 2008. - 784 с.
8. Доманжо В. П. Вопрос об ответственности за вред, причиненный при осуществлении права, в проекте нашего гражданского уложения. С. 428.
9. Памятники римского права: Законы 12 таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М., 1997. - 608 с.

Оригинальность 76%